

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ: ФОРМИРОВАНИЕ КОНСТРУКТА СЧАСТЬЯ В ПРОТЕСТАНТСКИХ ОБЩИНАХ

Петрова И.Э.

Аннотация. Счастье как состояние и переживание представляется одновременно коллективным и индивидуальным сценарием. Какое счастье «правильное» и как «пристойно» его ощущать — формируется в культуре, передается в идеологии через воспитание, оценивается экономическим эффектом и преобразуется в управленческие решения согласно политической воле правительств. Локальный характер счастья не очень заметен на фоне глобальных трансформаций качества жизни, но именно он составляет основу субъективного образа благополучия отдельных индивидов, семей, групп по интересам и территориальных общин.

Глокальность концепта счастья в религиозных общинах конкретной конфессии позволяет увидеть спектр состояний и переживаний, в зависимости от региона расположения общины, сложившихся традиций и строгости нормативного предписания о счастье. Но главным голосом остаются личные истории счастья в контексте собственной жизни на фоне расходящихся кругов: семьи, общины, региона, страны, мира и Бога. Исследователи могут оказаться в рамках существующих стереотипов «ограниченного счастья» вследствие негативной внешней оценки жестких правил общественной, семейной и личной жизни со стороны, как правило, неверующих людей.

Ключевые слова: религия, ценности, счастье.

RELIGIOUS VALUES: SHAPING THE CONSTRUCT OF HAPPINESS IN PROTESTANT COMMUNITIES

Petrova I.E.

Abstract. Happiness as a state and experience appears as both a collective and individual scenario. What happiness is 'right' and how 'decent' it feels is shaped in culture, transmitted in ideology through upbringing, assessed by economic effects and translated into managerial decisions according to the political will of governments. The local character of happiness is not very visible against the background of global transformations in the quality of life, but it is the basis of the subjective image of well-being of individuals, families, interest groups and territorial communities.

The glocal nature of the concept of happiness in religious communities of a particular confession allows us to see a spectrum of states and experiences, depending on the region where the community is located, the established traditions and the strictness of the normative precept of happiness. But the main voice remains personal stories of happiness in the context of one's own life amid

diverging circles - family, community, region, country, world and God. Researchers may find themselves within existing stereotypes of 'limited happiness' due to the negative external evaluation of the rigid rules of community, family and personal life by generally unbelieving people.

Keywords: religion, values, happiness.

Счастье и религия в исследованиях ученых разных стран операционализируются посредством концепций религиозности, социального самочувствия, субъективного благополучия, удовлетворенности жизнью, переживанием счастья как наивысшего удовольствия или положительного баланса позитивных эмоций от жизни над негативными.

Ученые европейских стран и США в качественных исследованиях ассоциируют религию со счастьем благодаря социальной природе религии, а также представляют разнообразные механизмы, с помощью которых именно религия делает человека счастливее [Dhir, 2016]. В их число входит религиозная социализация [Amman et al., 2019; Chaeyoon, 2016]; поддержка со стороны религиозного сообщества [Chaeyoon, Putnam, 2010]; понимание психологических основ счастья; освоение стратегий совладания со стрессом и переживания горя [Kara, 2017; Levin, 2013; Hou, 2018]; отказ от деструктивного поведения (употребления алкоголя, табака, ПАВ) [Eryilmaz, 2015] и многое подобное.

А. Уилкинс описывает процесс символического конструирования счастья христиан евангелической церкви как формирование границ между общиной и остальным миром (верующие чувствуют себя более счастливыми), а также внутренних маркеров правильного состояния — христианин должен быть счастлив, если он принят Богом [Wilkins, 2008].

Счастье и субъективное благополучие являются предметом исследований в России, но религиозный фактор практически не рассматривается российскими социологами как значимый и достойный внимания [Качур, 2014; Козырева и др., 2015, 2016].

Д.А. Леонтьев и Е.И. Рассказова подробно анализируют культурные, региональные и индивидуальные предпочтения в выборе источников счастья в сравнении мнений респондентов в разных областях России и Италии. Значимые отличия демонстрируют удаленные от центра регионы, и авторы связывают это с (не)доступностью источников счастья в инфраструктуре разных городов. Индивидуальные отличия находятся в пространстве двумерной модели счастья, использующей наиболее знакомые житейские ценности и ориентиры более личностного плана [Леонтьев; Рассказова, 2006].

Протестантские общины ХВЕ/пятидесятников привлекли внимание автора разветвленной структурой религиозной общины, активным формированием норм общинной жизни, направленным воспитательным воздействием на неопитов и детей верующих родителей, а также широким сетевым взаимодействием, благодаря чему удалось оценить схожие аспекты

понимания счастья в церквях разных регионов России, Беларуси, русскоязычных общин Германии, Латвии и Эстонии.

Основными механизмами конструирования этих ценностей становятся регулярные действия религиозных авторитетов на публичных площадках: проповеди в богослужении, наставления брачующимся и присутствующим на брачной церемонии, совместное исследование Писания в группах верующих, в подростковых и молодёжных служениях, на духовных конференциях. В широкой практике приветствуется издание печатных материалов (катехизисов, вероучений, назидательной и художественной литературы) и периодических христианских изданий (газеты и журналы, ориентированные как на воцерковленных верующих, так и на благовестие внешним).

Дальнейшее формирование ценностной системы верующего происходит с его укоренением в общине и погружением в ее жизнь — выбором служения (хор, благовестие, молодёжное служение, помощь по хозяйству), посещением более специализированных собраний — подготовки ко крещению, школы помощников, лидерского служения. Там происходит передача служительского опыта, прививается мышление послушного Богу и готового служить людям христианина. Дополняется это личными беседами служителей с прихожанами и старших служителей — с младшими, а также распределенной системой душепопечения «каждый — каждому» на доступном ему уровне. В качестве одного из примеров стоит привести очень распространенную на постсоветском пространстве в общинах ХВЕ трилогию «Счастье потерянной жизни» Е.Л. Храпова о трудном пути истинного христианина в годы идеологических гонений [Храпов, 2004].

В систему конструирования и воспроизведения ценностей вовлекаются все члены общины, и эти механизмы транслируются в рамках региональных братств и союзов более высокого уровня.

Регулированию подлежат все важные вопросы личной, семейной и общественной жизни, к которым могут быть применены понятие «греха» или «праведного деяния»: вопросы гендерного неравенства, скромной одежды, отказа от употребления алкоголя, любых курительных смесей, наркотиков, рождения в браке всех детей, посланных Богом, прохождения альтернативной службы, общения молодёжи между собой, проведение свободного времени, выбор профессиональной деятельности и хобби, баланс между суетой и посещением служений, приоритет чтения Библии или светской литературы, отбор музыкальных произведений и многое другое [Слово наставления номера...].

Религиозная социализация верующих, в особенности детей и молодёжи как процесс и результат формирует замкнутость субкультуры верующих и определяет барьеры входа и выхода для участников. Служители и лидеры молодёжных служений отмечают разные ее сценарии (дети верующих родителей или воцерковленные из неверующих семей), предлагают разные механизмы (от сознательного отказа от всяких отдельных форм работы с молодёжью до широкого ассортимента молодёжных служений в воскресенье

и на буднях, кружки по интересам при церкви, выездное служение с молодёжью, молодёжные хоры).

«В некоторых церквях к детям относятся как ко взрослым, только недостаточного роста и возраста — они участвуют в одних и тех же служениях, что и взрослые прихожане. В церквях, считающих, что Слово Божие должно быть представлено соответственно возрасту и уровню развития ребенка, проводятся воскресные и иные детские, подростковые и молодёжные служения (с применением разных активных и интерактивных методов)» (интервью с руководителем/епископом регионального объединения, 57 лет, в общине 26 лет, высшее образование светское, Нижний Новгород, 2018 г.).

Изучение нарративов служителей и активистов церквей христиан веры евангельской выявил некоторые общие и отличные черты в конструировании счастья в общинах разных стран. Прежде всего, к этому относится повышенная значимость религиозной составляющей счастья перед удовлетворением всех потребностей человека, доступной ему в различных регионах мира. Так, респонденты в церквях Германии более склонны говорить о пагубности общества потребления и отсутствия неудовлетворенных нужд как препятствия поиска Бога и желании получить счастье и радость от общения с Ним. Верующие Украины, Беларуси, Латвии вместе с членами российских церквей часто обращают внимание на то, что улучшение качества жизни способствует возрастанию субъективного благополучия, но может отодвинуть в сторону религиозные источники счастья.

Вместе с тем, в рамках консервативных общин «неявный сговор» продолжает действовать, и член церкви в России может посетить русскоязычные церкви своего братства в странах Европы и постсоветского пространства, не испытывая практически никаких неудобств и затруднений.

В логике П. Бурдье церковная иерархия стремится установить монополию на производство и управление религиозным капиталом, стремясь внушить последователям религиозный габитус в качестве основы мировоззрения и поведения в согласии с конфессиональным вероучением [Бурдье, 1998].

Современные российские традиционные протестантские общины демонстрируют это описанное формирование религиозного габитуса с условием, что служители также подотчетны прихожанам вследствие реформаторского принципа «всеобщего священства».

Счастье обыденной жизни

Анализ нарративов о счастье рядовых прихожан позволил выявить наиболее часто воспроизводимые элементы этого представления и повторяемые особенности его переживания. Возникает в речи респондентов соотнесение своего представления с конфессиональным учением «как было сказано в проповеди», «как написано», «как обсуждали на домашней группе», «как и родители (верующие) рассказывали», что подтверждает идею

о формировании религиозного габитуса как «порождающего принципа» действий [Ситников, 2017].

Прежде всего, вопрос о счастье, как правило, респонденты считали внезапным. Скорее, счастье воспринимается как итог жизненного пути, «окончательное» счастье наступит в жизни вечной, а здесь, на земле, всегда есть трудности и огорчения. Счастье как категория в повседневной жизни почти не используется — всегда приходилось тратить некоторое время на осмысление. Вместе с тем, как указывают интервьюеры и респонденты, эта внутренняя работа направлена не только на анализ фактов из жизни и переживаний, но и одновременно на взвешивание их в свете учения — прилично ли, достойно ли, «правильно» ли устроен конструкт личного или семейного счастья.

Истории во многом типичны и вращаются вокруг нескольких ключевых событий в жизни верующего. В первую очередь вспоминается момент (период) обращения к Богу, покаяния и воцерковления; жизнь в представлении респондентов разделяется на «до» и «после», второй этап во всех историях счастливее предыдущего, даже если первый ничем не омрачен. Счастье этого события и дальнейшей жизни описывается переживаниями единения с Богом, прощения грехов, новой, чистой жизни и замечательной перспективы. Это вполне сочетается с нормативным представлением, и правильное восприятие новой жизни в свете учения является в церквях ХВЕ (возрожденческих деноминациях по классификации зарубежных религиоведов) нужным признаком возрождения (обретения, формирования правильного религиозного габитуса). Далее в рассказах отдается предпочтение описанию семейной жизни и возможностям служения (участия в духовном труде) — в зависимости от того, чему посвящено сейчас основное время респондента (матери с детьми говорят о семейной жизни, незамужние и неженатые о подготовке к браку и служению, женатые — о семье и о труде в церкви).

Серьезным отличием в нарративах более опытных (как правило, более возрастных респондентов) вплетаются истории горя и потерь. Они вновь переживаются в самом разговоре, воспоминания о них омрачают чувства, но в самом рассказе они возникают как источник полноты счастья:

«Не было полноты счастья, пока мы не пережили смерть отца (83 года), и тот, кто не столкнулся с потерей близких, не сможет понять, как утешает в горе Господь, и какое это счастье быть с Ним близко в любых обстоятельствах» (мужчина, 41 год, в церкви 19 лет, высшее образование светское, лидер молодёжного служения, Нижний Новгород, отец 5 детей).

В рамках включенного наблюдения представляю событие, в котором переживания потери совмещены с празднованием: утром церковь проводит траурное богослужение по кончине отца семейства (67 лет) и вся семья этим же вечером участвует в служении домашней группы с празднованием дня рождения другой верующей. В обсуждении такого совмещения вдова подчеркивает важность переживания надежды будущей встречи с Богом и

всеми ушедшими в вечность (как написано в Библии) и говорит о безмерной поддержке Божьей, которая и дает утешение в такой мере, что горе не заставляет изолироваться, а ведет к своим, верующим, и это не противоречит чужой радости.

Отдельные истории включают в себя переживания родителей о детях, их воспитании, огорчении от неверия детей и ухода от Бога и церкви.

Многодетная мать 7 детей и бабушка уже 4 внуков описывает свое счастье в такой последовательности:

«Счастье мое в том, что Бог всегда со мной — спас меня и любит, помогает; я счастлива, когда счастливы мои дети; у меня полное женское счастье — замечательная семья и муж, который готов ради меня на все» (женщина, 48 лет, в общине 25 лет, среднее образование светское, муж и четверо старших детей воцерковлены, Нижний Новгород, 2019).

Заключение

В итоге анализа многочисленных рассказов о счастье формируются возможные категории: «горькое» счастье в период переживания утраты, «трудное» счастье в стесненных обстоятельствах, «счастье в служении» — быть призванным Богом совершать духовный труд в церкви, полнота счастья в вечной жизни, счастье, которое персонифицируется в Боге.

Выделение регулярно воспроизводимых религиозными информантами составляющих счастья, отличных от представления нерелигиозных авторов: сложное счастье быть христианином (счастье добровольного рабства Богу); полнота счастья, которая достигается только после переживания глубокого горя (потери близких, опасная болезнь, катастрофа) в ощущении помощи Бога; «умножение счастья» в переживании Божьих незаслуженных милостей — создание семьи с верующим супругом, рождение каждого последующего ребенка как ожидаемого и дарованного Богом, приобретение верующих друзей — «расширение» счастья с расширением кровного и духовного родства; счастье служения Богу в активной культовой и внекультовой деятельности.

«Ограничения» в стиле христианской жизни (отказ от популярных в среде нерелигиозных сообществ удовольствий) позволяют создать интересную социокультурную специфику «неограниченного» христианского счастья. Супермногодетство в этом контексте налагает особенные обязанности на родителей и подвигает их к большему упованию на Бога, т.е. к более глубокому укоренению в личной и общинной религиозности.

Габитус каждой отдельной религиозной организации формируется в активности верующих, нормотворчестве руководства и в традициях сетевой структуры подобных церквей. Вместе с тем, воспитательно-социализационные механизмы не являются универсальными даже для разветвленных религиозных сетей и существенно разнятся от церкви к церкви.

Как показывает исследование, источники счастья религиозных и нерелигиозных людей во многом схожи, ценности христиан веры

евангельской вполне сочетаются с ориентирами западноевропейской культуры, но и приносят в конструкт счастья новые основания: Божье благословение, понимание смысла жизни с Богом. Важными становятся оценка жизни верующего со стороны Бога, служителей и членов общины.

Житейское конструирование счастья отличается от нормативного, заданного для всех людей одинаково и не зависящего от династического статуса верующего. Наиболее значимыми оказались такие параметры, как стаж веры, семейное положение и рождение и воспитание в семье верующих родителей. Гендерные и возрастные различия не столь существенны на фоне их. Динамика укоренения в членах общины вовсе не всегда однозначна, часты сомнения в правильности избранного пути, возвращения *в мир*, переосмысление Божьих решений о своей жизни.

Литература

1. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Том I, 1998. № 2. С. 40-58.
2. Качур Н.В. Фелицитарность современной молодёжи: социологический ракурс измерения: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.014 / [Место защиты: СГУ]. Саратов. 2014. 24 с.
3. Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Счастье и его детерминанты (статья 1) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 120-132.
4. Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Счастье и его детерминанты (статья 2) // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 66-76.
5. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Что надо для счастья: культурные, региональные и индивидуальные различия и инварианты источников счастья// Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2006. № 2. С. 3-12.
6. Ситников А.В. Методы изучения религии в социальной теории П. Бурдые// Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Том 17. № 1. С. 36-50. DOI: 10.22363/2313227220171713850
7. Храпов Н.П. Счастье потерянной жизни. Смирна. Черкассы. 2004. 321 с.
8. Amman J., Abbas J., Nurunnabi M., Bano S. The Relationship of Religiosity and Marital Satisfaction: The Role of Religious Commitment and Practices on Marital Satisfaction Among Pakistani Respondents// Behavioral sciences. 2019. No 9 (3). PP. 30. DOI: 10.3390/bs9030030
9. Chaeyoon L. Religion, Time Use, and Affective Well-Being// Sociological Science. 2016. No 10. PP. 685-709. DOI: 10.15195/v3.a29
10. Chaeyoon L., Putnam R. Religion, Social Networks, and Life Satisfaction// American Sociological Review. 2010. No 75 (6). PP. 914-933 DOI: 10.1177/0003122410386686
11. Dhir S. Why Religion Promotes Happiness// IOSR Journal Of Humanities And Social Science (IOSR-JHSS) Volume 21, Issue12, Ver. 5 (December. 2016) PP. 49-51.
12. Eryilmaz A. Investigation of the Relation between Religious Activities and Subjective Wellbeing of High School Students// Educational Sciences: Theory & Practice. 2015. No 15 (2), PP. 433-444. DOI 10.12738/estp.2015.2.2327
13. Hou Y., Feng X., Yang X., Yang Z. Religion and Subjective Well-Being in Chinese College Students: Does Meaningfulness Matter? // Psychology of Religion. 2018. No 40 (1). PP. 60-79. DOI 10.1163/15736121-12341351
14. Kara E. A qualitative research on university students' religious approaches during the grieving process. Spiritual Psychology and Counseling. 2017. No 2. P. 203-223. <http://dx.doi.org/10.12738/spc.2017.2.0029>
15. Levin J. Religion and Happiness Among Israeli Jews: Findings from the ISSP Religion III Survey// Journal of Happiness Studies. 2013. No 15 (3). DOI: 10.1007/s10902-013-9437-8

16. Wilkins, A. C. (2008). "Happier than Non-Christians": Collective Emotions and Symbolic Boundaries among Evangelical Christians. *Social Psychology Quarterly*, 71 (3), 281-301.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ МОЛОДЕЖИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Пунченко В.Н.

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные аспекты влияния информационных технологий на ценностные ориентиры молодёжи (на примере Республики Беларусь). Дана характеристика молодёжи как особой социально-возрастной группы, чья ментальность находится под мощным воздействием интернет-среды. На основе результатов социологических исследований, проводимых в Беларуси и других странах, обоснован ряд ценностных тенденций в молодёжной среде, представляющих интерес для моделирования социального портрета будущих поколений.

Ключевые слова: молодёжь, общественное мнение, ценности, ценностные ориентации.

TRANSFORMATION OF VALUE GUIDELINES OF YOUTH UNDER INFLUENCE OF INFORMATION TECHNOLOGIES

Punchenko V.N.

Abstract. The article examines certain aspects of the influence of information technology on the value orientations of young people (on the example of the Republic of Belarus). The characterization of youth as a special social-age group, whose mentality is under the powerful influence of the Internet environment, is given. Based on the results of sociological research conducted in Belarus and other countries, a number of value trends in the youth environment that are of interest for modeling the social portrait of future generations have been substantiated.

Keywords: youth, public opinion, values, value orientations.

Слово «молодёжь» достаточно часто используется сегодня в разговорной речи для обозначения определенной группы людей. Употребляя его, чаще всего ориентируются на возрастной критерий, не всегда задумываясь о том, что понятие «молодёжь» включает в себя не только юридические, хронологические, биологические, но и социально-психологические характеристики [1]. В данном контексте можно выделить следующие критерии, отличающие молодёжь от других групп.

1. *Возрастные границы.* Общеизвестного международного определения возрастной группы молодёжи не существует. Генеральной Ассамблеей Организацией Объединенных Наций согласно резолюции 36/28